

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811.161.1`42

М. П. Мирошниченко

ПРИНЦИПЫ СЛИЯНИЯ (ТЕМНОТЫ) И РАЗЛИЧИМОСТИ (СВЕТА) КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИРИЧЕСКОГО «Я» И «ДРУГОГО»

М. П. МИРОШНИЧЕНКО. ПРИНЦИПИ ЗЛИТТЯ (ТЕМРЯВИ) І ВІДМІННОСТІ (СВІТЛА) ЯК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМУВАННЯ ЛІРИЧНОГО «Я» ТА «ІНШОГО».

У статті розглядається гіпотеза, яка полягає в тому, що принципи злиття / темряви / небуття та відмінності / світла / буття є предосною для формування у вірші ліричного «Я» і «Іншого», визначаючи властивості одного й іншого одночасно. Принципи злиття і розрізнення є парадигмоутворюючим фактором для образів і понять, що виникають в ході сприйняття вірша. Парадигма ВІДМІННІСТЬ (СВІТЛО) включає образи таких явищ, як денний час доби, буттєвість, персоналізація «Я», іншого персонажа і конкретність / реалістичність персонажа й художнього світу, а парадигма ЗЛИТТЯ (ТЕМНОТА) – ніч або перехідний час дня, темрява, сон, дрімота або сп'яніння, водна стихія або туман, тайність, завмирання процесів життєдіяльності, зупинка руху або періодичний / круговий рух, почуття любові або смерть, слабка персоналізація ліричного «Я», часто за допомогою «Іншого». У статті показано, що обидва складових парадигматики вірша (і «Я», і «Інший») мають в своїй основі однакове співвідношення принципів злиття і відмінності.

Ключові слова: злиття, відмінність, ліричне «Я», «Інший», парадигма.

М. П. МИРОШНИЧЕНКО. ПРИНЦИПЫ СЛИЯНИЯ (ТЕМНОТЫ) И РАЗЛИЧИМОСТИ (СВЕТА) КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИРИЧЕСКОГО «Я» И «ДРУГОГО».

В статье рассматривается гипотеза, заключающаяся в том, что принципы слияния / темноты / небытийности и различимости / света / бытийности являются предосновой для формирования в стихотворении лирического «Я» и «Другого», определяя свойства одного и другого одновременно. Принципы слияния и различимости являются парадигмообразующим фактором для образов и понятий, возникающих в ходе восприятия стихотворения. Парадигма РАЗЛИЧИМОСТЬ (СВЕТ) включает образы таких явлений, как дневное время суток, бытийность, персонализация «Я», другого персонажа и конкретность / реалистичность персонажа и художественного мира, а парадигма СЛИЯНИЕ (ТЕМНОТА) – ночь или переходное время дня, темнота, сон, дремота или опьянение, водная стихия или туман, тайность, замирание процессов жизнедеятельности, остановка движения или периодическое / круговое движение, чувство любви или смерть, слабая персонализация лирического «Я», часто посредством «Другого». В статье показано, что оба составляющих парадигматики стихотворения (и «Я», и «Другой») имеют в своей основе одно и то же соотношение принципов слияния и различимости.

Ключевые слова: слияние, различимость, лирическое «Я», «Другой», парадигма.

M. P. MYROSHNYCHENKO. PRINCIPLES OF FUSION (DARKNESS) AND DISTINGUISHABILITY (LIGHT) AS A BASIS FOR FORMING THE LYRICS "I" AND "OTHER".

The article deals with the hypothesis that the principles of fusion / darkness / non-being and distinguishability / light / beingness are a basis for forming in the poem of the lyric "I" and "Other", defining the properties of one and the other at the same time. The principles of fusion and distinguishability are a paradigm-forming factor for images and concepts that arise during the perception of a poem. The paradigm DISTINGUISHABILITY (LIGHT) deals with images of such phenomena as daytime, beingness, personalization of the "I", another character and the concreteness / realism of the character and the artistic world, and the FUSION (DARKNESS) paradigm is the night or transitional time of the day, darkness, sleep, drowsiness or intoxication, water element or fog, secretiveness, the

<http://doi.org/10.5281/zenodo.1243680>

fading of life processes, stopping movement or periodic / circular movement, a feeling of love or death, weak personalization of the lyric "I", often through the "Other". As a result of the analysis of the poems, it is shown that both components of the paradigmatics of the poem (both "I" and "Other") are based on the same correlation of the principles of fusion and distinguishability.

Key words: fusion, distinguishability, paradigm, lyrics "I", "Other".

В лирическом произведении субъективный мир лирического Я может быть выражен по-разному – непосредственно, т. е. в виде выражения мыслей и чувств лирического героя, и опосредованно, т. е. через существо и эмоциональный мир персонажа или посредством описания некоторых реалий [2, с. 50]. Понятие лирического «Я», введённое в литературоведение Маргарете Зусман в начале XX века, представляет собой более широкое образование в сравнении с понятием лирического героя, поскольку представляет собой не только персональное образование, но «способно преступать границы субъективности» (Susman M. Das Wesen deer modernen Lyrik. – Stuttgart, 1910. – S. 16, цит по [5]) и представать способом видения мира, специальным «оптическим прибором», которым пользуется автор лирического произведения [1]. Читатель в каждом отдельном случае имеет дело с различной степенью представленности лирического «Я» как персоны, в разной степени оценивает его конгруэнтность (открытость), осязаемость как личности. Одним из существенных компонентов определения личности является социальный аспект – видимость для других, выделенность среди остального [4], различимость. Различимость объекта связана с его единичностью, бытием как индивидуальной единицы – и, в свою очередь, соотносится с понятиями *света* (на свету объект становится различим) и *бытия* (если объект различим, обладает границами, значит, он существует) [3]. Цель статьи – обнаружить и описать лексические парадигмы стихотворений, реализующие принципы *слияния* и *различимости*, определяя степень проявления каждого из них в стихотворении.

Парадигматика стихотворения, т. е. система образов и понятий, возникающих в ходе восприятия текста, включает в себя лирическое «Я» (с разной степенью различимости как персоны) и «Другого» (другого персонажа и другие объекты художественного мира) – также с различной степенью подробности и конкретности их представленности. Принципы *слияния* и *различимости*, сквозь призму которых в статье исследуется лирическое «Я» и «Другой», являются системообразующим фактором. В парадигмах, состоящих из отдельных слов или целых текстовых отрезков, эксплицируется принцип, лежащий в основе их формирования.

Парадигма СЛИЯНИЕ (ТЕМНОТА) подразумевает такое выражение лирического «Я» и «Другого», при котором степень и конкретность представления «Я», другого персонажа и мира ослаблены, художественный мир будто погружается в темноту, неразличимость или нереальность / сказочность: «Я» определяется трудно и часто выражается опосредованно (через чувства или существо «Другого»), описание объектов контурное и / или сказочное, ночь или переходное время дня, темнота, сон, дремота или опьянение, водная стихия или туман и тайность / спрятанность, замирание каких-либо процессов жизнедеятельности (напр., умолкание, тишина, глухота, слепота, остановка движения или периодическое / круговое движение), смерть и чувство любви (поскольку любовь подразумевает внутреннюю направленность объектов друг к другу, неслияние, в данном случае, – это частный случай, который также будет рассмотрен ниже). Соответственно парадигма РАЗЛИЧИМОСТЬ (СВЕТ) включает образы таких явлений, как дневное время суток, бытийность, персонализация «Я», другого персонажа и конкретность/реалистичность персонажа и художественного мира, наделение их самостоятельным бытием (а не средством для выражения «Я»). Рассматриваемая в статье гипотеза заключается в том, что принципы *слияния / темноты / небытийности* и *различимости / света / бытийности* являются предосновой для формирования в стихотворении лирического «Я» и «Другого», определяя свойства одного и другого одновременно: в стихотворении и «Я», и «Другой» имеют в своей основе одно и то же соотношение этих принципов.

Рассмотрим три стихотворения: С. Клычкова «В нашей роще есть хоромы...», А. Фета «Это утро, радость эта...» и С. Есенина «Белая берёза».

<p>С. Клычков</p> <p><i>В нашей роще есть хоромы, А кругом хором — туман... Там на тропках вьются дремы И цветет трава-дурман...</i></p> <p><i>Там в лесу, на косогоре, У крыльца и у окон. Тихий свет — лесные зори, Как оклады у икон...</i></p> <p><i>Скучно ль, весело ль Дубравне Жить в светлице над рекой — К ней никто в резные ставни В ночь не стукнется клюкой.</i></p>	<p><i>Стережет ее хоромы Голубой речной туман, И в тумане вьются дремы И цветет трава-дурман...</i></p> <p><i>Ах, в весенний срок с опушки По утрам и вечерам Строгий счет ведут кукушки Буйной юности кудрям,—</i></p> <p><i>В ночь выходит месяц плавать, Метит звездами года. Кто ж дойдет и глянет в заводь, Юн останется всегда...</i></p>	<p><i>Скучно ль, весело ль Дубравне: Все одна она, одна — Только смотрят звезды в ставни Да сквозь сон журчит Дубна.</i></p>
--	---	--

<p>А. Фет</p> <p><i>Это утро, радость эта, Эта мощь и дня и света, Этот синий свод, Этот крик и вереницы,</i></p> <p><i>Эти стаи, эти птицы, Этот говор вод, Эти ивы и березы, Эти капли — эти слезы,</i></p>	<p><i>Этот пух — не лист, Эти горы, эти доли, Эти мошки, эти пчелы, Этот зык и свист,</i></p> <p><i>Эти зори без затмения, Этот вздох ночной селения,</i></p>	<p><i>Эта ночь без сна, Эта мгла и жар постели, Эта дробь и эти трели, Это всё — весна.</i></p>
---	---	---

<p>С. Есенин</p> <p><i>Белая берёза Под моим окном Принакрылась снегом, Точно серебром.</i></p> <p><i>На пушистых ветках Снежною каймой Распустились кисти Белой бахромой.</i></p>	<p><i>И стоит береза В сонной тишине, И горят снежинки В золотом огне.</i></p> <p><i>А заря, лениво Обходя кругом, Обсыпает ветки Новым серебром.</i></p>
--	---

В стихотворении С. Клычкова «Я» как персона не обнаруживается: оно является частью «Мы» (в нашей) и описывается через существо и чувства «Другого» (Дубравна... всё одна она, одна...), при этом персонаж (Дубравна) является сказочным, а весь художественный мир как бы погружён в водную стихию, туман (кругом хором — туман, над рекой, голубой речной туман, выходит месяц плавать, заводь, журчит Дубна) сон и дремоту (вьются дрёмы, трава-дурман, сквозь сон), недневное время дня (тихий свет — лесные зори, в ночь, по утрам и вечерам) и статичность или круговое/разнонаправленное движение (вьются, цветёт, жить, стережёт, выходит месяц плавать).

В стихотворении А. Фета «Я» не выражается как персона, однако обнаруживается в большей степени, т.к. не выражается через «Другого»: безличное упоминание о чувстве (*радость эта*) и атрибутах человека (*ночь без сна, мгла и жар постели*) – имплицитно указывают на лирическое «Я». «Другой» (мир, весна) не предстаёт ирреальным, хотя и описывается лаконично, «точно»: *ивы, берёзы, пух, горы, доли...*

Наиболее различимым лирическое «Я» предстаёт в стихотворении С. Есенина «Белая берёза», где оно, во-первых, обнаруживает себя (*под моим*), во-вторых, определяет себя относительно «Другого» (*белая берёза под моим окном*). Здесь парадигма РАЗЛИЧИМОСТИ (СВЕТА) представлена в наибольшей степени, «Другой» (берёза) описывается подробно: *белая берёза, принакрылась снегом, на пушистых ветках, белой бахромой, стоит... в... тишине* и т.д. Рассмотрим ещё два стихотворения – Н. Клюева «Болезнь да засуха...» и «Мне сказали, что ты умерла...».

<p>Н. Клюев</p> <p><i>Болезнь да засуха, На скотину мор. Горбясь, шьёт старуха Мертвецу убор.</i></p> <p><i>Холст ледац на оцупь, Слепы нить, игла... Как медвежья поступь, Темень тяжела.</i></p>	<p><i>С печи смотрят годы С карлицей-судьбой. Водят хороводы Тучи над избой.</i></p> <p><i>Мертвый дух несносен, Маета и чад. Помелища сосен В небеса стучат.</i></p>	<p><i>Глухо божье ухо, Свод надземный толст. Шьёт, кляня, старуха Поминальный холст.</i></p>
<p>Н. Клюев</p> <p><i>Мне сказали, что ты умерла Заодно с золотым листопадом И теперь, лучезарно светла, Правишь горним, неведомым градом.</i></p> <p><i>Я нездешним забыться готов, Ты всегда баснословной казалась,</i></p>	<p><i>И багрянцем осенних листов Не однажды со мной любовалась.</i></p> <p><i>Говорят, что не стало тебя, Но любви иссякаемы ль струи: Разве зори — не ласка твоя, И лучи — не твои поцелуи?</i></p>	

В стихотворении «Болезнь да засуха...» преобладает парадигма СЛИЯНИЕ (ТЕМНОТА): лирическое «Я» как персона не представлено, описание «Другого» подробно и, тем не менее, соответствует парадигме СЛИЯНИЕ (ТЕМНОТА), поскольку присутствует настроение крайнего негативизма и безнадежности, «мрака» – и в описании настроения персонажа (старухи), и в описании мира (*болезнь да засуха, на скотину мор, мёртвый дух несносен, шьёт... кляня... старуха* и др.). Также присутствует круговое и периодическое движение (*водят хороводы, маета*), тёмное время (*темень, тучи над избой*), остановка процессов жизнедеятельности (помимо темы смерти – *слепы нить, игла... глухо божье ухо*).

Во втором стихотворении обозначены и «Я», и «Другой»: *мне сказали, что ты умерла*, однако без подробного описания (ср., напр., «Другой» в «А! Это снова ты...» А. Ахматовой: *не отроком влюбленным, но мужем дерзостным, суровым, непреклонным, ты... вошел и на меня глядишь... ты спрашиваешь...*). В стихотворении Н. Клюева преобладает чувство и тема любви и другие составляющие парадигматики слияния: тема смерти, контрастная колористика, потусторонний мир и состояние, время между днём и ночью, слово-объединение *заодно*, сравнения без союза *как*.

Хотя тема любви как проявление силы объединения, с нашей точки зрения, связана с парадигмой СЛИЯНИЯ, тем не менее, в ряде стихотворений эта тема формируется одновременно с парадигмой РАЗЛИЧИМОСТИ, т.е. парадигмы СЛИЯНИЕ (ТЕМНОТА) и РАЗЛИЧИМОСТЬ (СВЕТ) представлены в равной степени. Таковы, например, стихотворения С. Есенина о любви к природе (напр., «Берёза», «Алый мрак в небесной черни...»), где есть и достаточно подробное описание «Я» и «Другого», и парадигма СЛИЯНИЕ (напр., чувство

любви и красочность-сказочность). Показательно для данного случая, когда обе парадигмы представлены в равной степени, на наш взгляд, стихотворение А. Ахматовой «Белой ночью»:

<i>Ах, дверь не запирала я, Не зажигала свеч, Не знаешь, как, усталая, Я не решалась лечь.</i>	<i>Смотреть, как гаснут полосы В закатном мраке хвой, Пьянея звуком голоса, Похожего на твой.</i>	<i>И знать, что все потеряно, Что жизнь – проклятый ад! О, я была уверена, Что ты придёшь назад.</i>
--	---	--

Всё стихотворение – это субъективное высказывание со множеством описаний мыслей, чувств и действий лирического «Я». Стихотворение адресное – это диалог с «Другим» (возлюбленным), который также имеет в тексте достаточно точек описания (*звуком голоса, похожего на твой; не знаешь... придёшь*). Тема любви (*дверь не запирала; пьянея звуком голоса; была уверена, что ты придёшь*) и тёмное время суток (*в закатном мраке хвой*) формируют парадигму СЛИЯНИЯ. Однако в то же время высока степень представленности «Я» и «Другого», их различимости – и это вместе с парадигмой СЛИЯНИЯ создаёт ощущение встречи, «видимости в темноте» – «белой ночи», как и называется стихотворение.

В целом гипотеза, предложенная в этой статье, требует проверки на более широком материале, но в исследованных более чем 40 стихотворениях и текстах песен «Другой» нигде не был частью парадигмы РАЗЛИЧИМОСТЬ без персонализированного лирического «Я», поскольку, как нам кажется, обе составляющих парадигматики стихотворения (и «Я», и «Другой») имеют в своей основе одно и то же соотношение принципов *слияния* и *различимости*. Напр., в тексте И. Кормильцева «Эти реки» лирическое «Я» полностью представляется посредством «Другого» (персонажа Васьки-Кривого, а также судей, матери, государства и т. д.):

*Ваську-Кривого повязали во сне
И отправили в город на суд.
Жарко нынче судейским, они, не таясь,
Квас холодный стаканами пьют.
<...>*

В тексте широко представлены образы реки, опьянения, сна, неначатого дня и чувства безысходности: *эти реки текут никуда*, герой представлен, но не наделяется чувствами и воспринимается как средство для непрямого выражения смысла (о несвязанности государства с нравственностью), история персонажей – символ этого смысла. Сквозь имплицитно выраженный смысл усматриваются мысли и ценности непредставленного лирического «Я» – таким образом, его персональное существование обнаруживается, но в той же степени и в том же качестве, как нам кажется, в какой усматривается личность в персонаже Васьки-Кривого: личность и лирического «Я», и «Другого» предстаёт как «носитель смыслов». Поэтому мы считаем, что принципы *слияния / темноты / небытия* и *различимости / света / бытия* являются основой для формирования образа лирического «Я» и «Другого».

Таким образом, в статье было проанализировано явление персонализации лирического «Я» и характера представления «Другого» посредством принципов *различимости / света / бытия* и *слияния / тьмы / небытия* как основы, их формирующей. В дальнейшем необходимо исследование этого явления на более широком материале, а также анализ других возможных составляющих парадигм СЛИЯНИЕ и РАЗЛИЧИМОСТЬ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.–Л.: Советский писатель, 1964. 165 с.
2. Дубровская В. В. Литературоведение: введение в дисциплину: учебно-методическое пособие. М., Берлин: Директ-медиа, 2016. 153 с.
3. Измайлов Э. Х. Несимметричная диалектика: путь к совершенному разуму. М., 2006. 80 с.
4. Теория литературы: Учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений: В 2 т. / Под. ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1: Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 339 с.
5. Хоменко Н. В. Личность. Теории личности: учеб.-метод. пособие. Минск: БГМУ, 2017. 28 с.

(Статья поступила в редакцию 5 апреля 2018 г.)